

А. С. ПУШКИН

*СТИХИ
НЕ ДАЯ ДАМ*

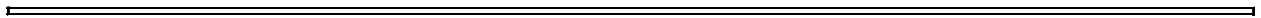
Annotation

Поэмы, стихотворения и эпиграммы поэта, традиционно вырезаемые цензурой.

- [А.С. Пушкин](#)
 - [СТЫДЛИВОСТЬ УГРЮМЫХ ДУРАКОВ](#)
 - [ПОЭМЫ](#)
 - [ГАВРИИЛИАДА {1}](#)
 - [ГРАФ НУЛИН {2}](#)
 - [МОНАХ {3}](#)
 - [Песнь первая](#)
 - [Песнь вторая](#)
 - [Песнь третья](#)
 - [ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ {4}](#)
 - [СТИХИ](#)
 - [КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК {5}](#)
 - [*** {6}](#)
 - [ЮРЬЕВУ {7}](#)
 - [ТЫ И Я {8}](#)
 - [ВИШНЯ {9}](#)
 - [ДЕЛЬВИГУ {10}](#)
 - [ХРИСТОС ВОСКРЕС](#)
 - [ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ {11}](#)
 - [*** {12}](#)
 - [*** {13}](#)
 - [ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ {14}](#)
 - [ТЕЛЕГА ЖИЗНИ](#)
 - [*** {15}](#)
 - [РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА {16}](#)
 - [*** {17}](#)
 - [ЭПИГРАММЫ](#)
 - [СРАВНЕНИЕ {18}](#)
 - [*** {19}](#)
 - [НА КАЧЕНОВСКОГО {20}](#)
 - [НА СТУРДЗУ {21}](#)
 - [МАНСУРОВУ {22}](#)

- [НА АРАКЧЕЕВА](#)
- [НА кн. А.Н.ГОЛИЦЫНА {23}](#)
- [НИМФОДОРЕ СЕМЕНОВОЙ {24}](#)
- [***](#)
- [НА К. ДЕМБРОВСКОГО {25}](#)
- [ЭПИГРАММА](#)
- [***](#)
- [К САБУРОВУ {26}](#)
- [АННЕ Н.ВУЛЬФ {27}](#)
- [РАЗГОВОР ФОТИЯ С гр. ОРЛОВОЙ](#)
- [*** {28}](#)
- [ДВЕ НАДПИСИ К КАРТИНКАМ ИЗ "ОНЕГИНА", ПРИЛОЖЕННЫМ К "НЕВСКОМУ АЛЬМАНАХУ"](#)
- [*** {29}](#)
- [***](#)
- [***](#)
- [АГАФЬЕ](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
 - [ПОЭМЫ](#)
 - [СТИХОТВОРЕНИЯ](#)
 - [ЭПИГРАММЫ](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

А.С. Пушкин
Стихи Не Для Дам

СТЫДЛИВОСТЬ УГРЮМЫХ ДУРАКОВ

Несколько слов к читателям

Составляя эту книгу, я снова перечитал пушкинское "Опровержение на критики" и в который раз уже подивился элегантно-ироничным его ответам благовоспитанным ханжам и записным ревнителям нравственности, упрекавшим поэта в непристойности иных его сочинений.

Не могу отказать в удовольствии себе и, надеюсь, читателям, привести весьма уместные, на мой взгляд, фрагменты "Опровержения...", ибо как это ни прискорбно, но и сегодня могут найтись суровые охранители наших моральных устоев, кои углядят "похабство" в строках, собранных под обложкой этого сборника.

"Граф Нулин" наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным, — разумеется в журналах, в свете приняли его благосклонно, и никто из журналистов не захотел за него заступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощёчину! Какой ужас! как сметь писать такие отвратительные гадости?.. Верю стыдливости моих критиков; верю, что "Граф Нулин" точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шуточных повестей Ариост, Бокаччио, Лафонтен, Каста, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить "Душеньку" в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать "Модную жену", сей прелестный образец легкого и шуточного рассказа? А эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина?" Изрядно сказано! Пушкинская лоза оставила заметные следы на той часте тела его критиков, где спина теряет свое благородное название. Однако не всем этот урок пошел впрок, хотя и был куда как предметен. Пушкин, видимо, хотел раз и навсегда объясниться с современными Тартюфами от критики, "стыдливо накидывающими платок на открытую грудь Дорины", чтобы больше не отвлекаться на перебранку с ними. Потому был не только саркастичен, но и предельно серьезен, доказателен, точен в своих суждениях. Нет, не "Графа Нулина" защищал он, не поэтический свой

мундир. Он защищал, отстаивал и утверждал право поэта на свободу говорить о том и так, как он считает нужным, без поправок на чьи-то вкусы, желания, принципы. Послушаем же его снова.

"Безнравственное сочинение есть то, коего целью или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство. — Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие".

Блистательный пассаж! По мысли, по лаконизму выражения большой и важной мысли. Это — Пушкин. Таков он в каждой строке, в каждой заметке, в каждом фрагменте... Вернемся к нему снова, ибо не все в "Опровержении..." адресовано только критикам. Прямо и откровенно говорит он и о себе.

"Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Много желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей..."

Не станем гадать, какие именно сочинения имел в виду поэт: не назвал; стало быть, не считал нужным. Обратимся к тому, что им самим в качестве примера названо. Упрекая некоего публикатора за самовольное использование его стихов, он гневно протестует против того, чтобы современные ему литературные пираты печатали произведения, "преданные мною забвению или написанные не для печати (например, "Она мила, скажу меж нами"), или которые простительно мне было писать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, "Послание к Юрьеву")".

В этом месте скажем "Стоп!" и порассуждаем немного вместе с читателем, дабы потом не возникло у него вопросов и претензий к составителю этого не совсем обычного сборника.

Внимательно перелистав книжку, вы найдете в ее оглавлении указанные выше произведения и многие другие, которые сам Пушкин отнес к разряду написанных не для печати. На каком основании включены они в сей сборник? Прежде всего на том, что уже более ста лет стихотворения сии воспроизводятся не только в академических Собраниях сочинений Александра Сергеевича Пушкина, но и в массовых изданиях. И ввели их в круг нашего чтения не какие-то там мазурики, желающие заработать на "клубничке", хотя бы и пушкинской, а блистательные исследователи его творчества, люди высоконравственные, истинно интеллигентные, носящие самые высокие ученые звания. Словом, те русские пушкинисты, которыми по праву гордится наша культура.

Разумеется, в букварях и хрестоматиях "нескромных" стихотворений этих вы не найдете. Им там и не положено быть. Но право на жизнь они имеют. Подтвердим это еще раз ссылкой опять же на Пушкина, который, отвечая на упреки критиков в безнравственности, коя грозит развращением их пятнадцатилетним племянницам, весело возражал: "... как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик".

Думаю, что не стоит приводить других аргументов в защиту этого сборника. Стоит только, пожалуй, сослаться на еще одно авторитетное имя и процитировать несколько строк из Белинского.

"Для Пушкина не было так называемой низкой природы; поэтому он не затруднялся никаким сравнением, никаким предметом, брал первый попавшийся под руку, и все у него являлось поэтическим, а потому прекрасным и благородным".

Однако же в отношениях Пушкина с критикой и особенно с цензурой не все было так просто и весело, как может показаться из сказанного выше. Огромное число неопубликованных при жизни поэта произведений объясняется не только и не столько тем, что они не предназначались им для печати, сколько тем, что угрюмые дураки не позволяли "осквернять" ими "типографические снаряды".

История взаимоотношения Пушкина с цензурой — история трагическая. Она достаточно глубоко изучена и широко известна для того, чтобы о ней можно было сказать именно так. В ней — десятки, если не

сотни искромсанных, искореженных, запрещенных к публикации сочинений, коими могла бы гордиться даже самая богатая литература. От Пушкина в нашей словесности пошло много традиций. В том числе и печальная — писание в стол, рожденная нежеланием подвергать вивисекции родных "детей" своих, кои после прикосновения цензорского ножа теряли всякое сходство с родителем.

Поэта "оберегали" нетолько политически, но и нравственно. Позволяли верноподданным сочинителям любую пошлость, а у него выскребали со сладострастным усердием даже намеки на какие бы то ни было "вольности".

Может потому с такой радостью и воспринял он вначале царскую милость, последовавшую за освобождением из михайловской ссылки. Николай, великодушно простивший поэта за прежние прегрешения, сказал ему: "Теперь, Пушкин, твоим цензором буду я".

Радость оказалась недолгой. К цензуре обычной, к бдительному оку Бенкендорфа добавился зоркий глаз императора, который, надо отдать ему должное, был весьма заинтересованным и пристрастным читателем. Он твердо стоял на страже морали и "хорошего вкуса". Вот один лишь пример монаршей редакции из соображений нравственных. Пушкинская строчка "Урыльник полон под кроватью" после прочтения ее царем выглядела так: "Будильник полон под кроватью". Поэт, узнав об этом, посмеялся. Но это был грустный смех.

Ибо не трудно представить, сколь далеко простиралась власть николаевского карандаша. Она омертвляла, сушила буйную поросль сочных, полных блеска и озорства творений — от могучих эпических поэм до экспромтом сочиненных эпиграмм. В них все было естественно — и блистательная рифма, и поражающий точностью и глубиной образ, и острое словцо, говоря современным языком, на грани фола, а порой — и за гранью. Но кто провел ее — эту грань?! Кто определил пределы дозволенного?

Ответ на эти вопросы — у него же, у Пушкина: художника надо судить по законам, им самим над собой признанным.

И уж конечно не царю, не его холопьям в мундирах цензурного ведомства было судить о нравственности и приличиях в творениях национального гения. Однако, они судили — скоро и неправо, требовали изменений, запрещали.

Мы знаем, что иные сочинения, могущие задеть взыскательного читателя, Пушкин и сам не публиковал и публиковать не предполагал. Они предназначались для дружеского застолья или озорного послания

товарищу. Были у него и, как нынче говорится, крутые стихи, явно не предназначенные для нежных дамских ушек.

К этому разряду можно отнести многие произведения, включенные в данную книгу. Иные из них давно уже стали антологическими и на слуху у каждого, кто любит поэзию. Некоторые же до сих пор по явному недоразумению числятся среди "неприличных". И чаще всего потому лишь, что их лексика преступает грани дозволенного. История публикации иных весьма забавна. Вот один лишь пример.

С детских лет известно нам стихотворение, рисующее очаровательную картину летнего сельского утра. С этими строками из "Родной речи" вселяется в наши души музыка русского языка:

Румяной зарею Покрылся восток,
В селе за рекою Потух огонек.
Росой окропились Цветы на полях,
Стада пробудились На мягких лугах.

Прелестное детское стихотворение. Но, повзрослев, мы прочли "Вишню", откуда взяты эти строки, и были поражены разностью двух сочинений. Второе, полное, справедливо так и не попало в буквари. Но оно не безнравственно, не похабно. Оно полно целомудрия. И прятать его в собраниях сочинений — неразумно.

Но бог с ней, с "Вишней". Ее действительно не стоит печатать в букварях полностью, ибо трудно объяснить детям, почему пастухи и пастушки уже в те далекие времена часто отвлекались от своих прямых обязанностей, в результате чего скот мог потравить барские посевы. Важнее вообще отказаться от деления произведений великого поэта по пуританским критериям. Даже в массовых изданиях. У него — все рядом. И высокое и низкое. Откройте один из академических томов его сочинений. К возмущению ханжей рядом с гениальным "Памятником" обнаружится ерническое, развеселое "К кастрату раз пришел скрыпач..." Стало быть, писались они друг за другом. А может — и параллельно. И то и другое занимали ум и сердце поэта, составив одну из страничек его послания к нам. Послания, в котором он завещает не пыжиться, не изображать из себя таких гигантов мысли, высоконравственных снобов. Ведь это же он, Пушкин, сказал, отвечая на очень умное, блестящее, но холодное сочинение своего брата: поэзия, прости Господи, должна быть глуповата. Ведь это же он заметил уже зрелым человеком:

"Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, может быть и глубокомысленного".

Ему самому такой перекося не грозил. Моцартианская грациозность сочеталась у него с шекспировской трагедийностью. "Стоит только приподнять пелену грации Пушкина, и можно увидеть глубины, предвещающие дальнейшую русскую литературу: "Моцарт и Сальери", "Пир во время чумы", со своей раздирающей песней председателя, некоторые сцены "Бориса Годунова", некоторые лирические порывы в "Евгении Онегине", загадочный "Медный всадник" и многое другое, — все это какой-то широкий океан, какие-то жуткие провалы и виды на такие вершины, куда только-только хватило бы донестись крыльям Данте и Шекспира" (Луначарский). У Пушкина — все значимо и значительно. И само по себе, и в единстве, в нерасторжимости всех ипостасей его гения.

В этой книге впервые собрано под одной обложкой то, что обычно публикуется отдельно — по хронологии или жанрам. В ряде случаев в канонические тексты внесено то, что было изъято цензурой по соображениям нравственности, как, скажем, в поэмах "Царь Никита и сорок его дочерей" и "Монах". Известно, как трудно было протискиваться "сквозь нашу тесную цензуру". В некоторых стихах и эпиграммах, вошедших в эту книгу, восстановлены строки и слова, которые давным-давно известны любителям пушкинской лиры, несмотря на все стыдливые многоточия, однако никаких источников реставрации текстов, кроме самого Пушкина, составитель этого сборника не использовал. Он позволил себе максимально раздвинуть границы допустимого, руководствуясь собственными принципами и соображениями Белинского о том, что не все, что ласкает слух гусара, услаждает уши дамам. И это нормально. Ибо, как известно, дамы сильно от нас отличаются. Они не носят усов, умереннее в крепких напитках (по крайней мере, так было прежде) и соленому словцу предпочитают посыпанные сахарной пудрой эвфемизмы.

А дабы еще больше укрепиться в правомочности затеянного издания и возможности дать ему такой категорический заголовок, я тщательно перелистал особо любимый мною седьмой том полного академического Собрания сочинений Александра Сергеевича Пушкина. В этом томе собрана его критика и публицистика — заметки, наброски и прочая "мелочишка", от которой и сегодня захватывает дух. На странице 54 было обнаружено искомое:

"Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но

какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не достигая души; они бесчувственны к ее гармонии: примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия. Исключения редки".

По-моему, излишне сурово и категорично. Но это — Пушкин. И кто откажет в исключительном знании и понимании женской души человеку, написавшему Татьяну?

Но, честно говоря, я привел пространную цитату вовсе не в качестве щита от возможных стрел критики, которая может учуять уже в самом названии этого сборника тлетворный "рыночный душок", желание и классиков приспособить к своим мелочным предприятиям — безнравственным и непристойным. Как учил сам Александр Сергеевич, отвечать на критику — занятие праздное. Издание же это имеет одну цель: дать концентрированно "озорного" Пушкина. И тот, кто надеется найти под этой обложкой "клубничку" — будет разочарован.

Из всех возможных ягод, как уже было сказано, здесь — только "Вишня". Ну а ежели, вопреки предупреждению, книжка сия попадет в руки даме, не спешите бросать ее в огонь. Честное слово, она не поранит чувствительные ваши ушки. Разве что мочки их слегка порозовеют. Но это — вполне допустимо. Не правда ли?

ПОЭМЫ

ГАВРИИЛИАДА {1}

Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любезных уст улыбкою довольный,
Царю небес и господу Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиранных струн, быть может, наконец
Ее пленят церковные напевы,
И дух святой сойдет на сердце девы;
Властитель он и мыслей и сердец.
Шестнадцать лет, невинное смирение,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движение,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты право обманулась:
Я не тебя, — Марию описал.
В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем еще не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Ее супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и плотник,
В селенье был единственный работник,
И день и ночь, имея много дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смотрел
На прелести, которыми владел,
И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.

Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил — и больше ничего.
Но, братие, с небес во время оно
Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей — и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубокой
Благословить достойный вертоград.
Сей вертоград, забытый, одинокий,
Щедрою таинственных наград.
Уже поля немая ночь объемлет;
В своем углу Мария сладко дремлет.
Всевышний рек, — и деве снится сон:
Пред нею вдруг открылся небосклон
Во глубине своей необозримой;
В сиянии и славе нестерпимой
Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херувимы,
Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крылами, —
И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними трон.
И светел вдруг очам явился он...
Все пали ниц... Умолкнул арфы звон.
Склонив главу, едва Мария дышит,
Дрожит как лист и голос бога слышит:
"Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовьию пылая,
Причастница ты славы будь моей:
Готова будь к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей рабыне".
Вновь облаком оделся божий трон;
Восстал духов крылатый легион,
И раздались небесной арфы звуки...
Открыв уста, сложив умильно руки,

Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных молодых
С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные уборы,
Сиянье крил и локонов златых,
Высоким стан, взор томный и стыдливый —
Все нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гавриил!
Пропало все. — Не внемля детской пени,
Да полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.
Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе темной лени.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес пленить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Что делать нам? судьба так приказала, —
Согласны в том невежда и педант.
Поговорим о странностях любви
(Другого я не смыслю разговора)
В те дни, когда от огненного взора
Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий, —
Не правда ли? в толпе молодых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету

Крылатый миг небесных упоений
И к радостям на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего нам более желать, —
Чтоб оживить о ней воспоминанье,
С наперсником мы любим поболтать.
И ты, господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло все творенье,
Наскучило небесное моленье, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: "Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылья? к Марии полечу
И на груди красавицы почию!.."
И прочее... все что придумать мог, —
Творец любил восточный, пестрый слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметя в нем и ум и дарованье, —
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренья сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес... а по-земному сводник.
Но, старый враг, не дремлет сатана!
Услышал он, шатаясь в белом свете,
Что бог имел еврейку на примете,
Красавицу, которая должна
Спасти наш род от вечной муки ада.

Лукавому великая досада —
Хлопочет он. Всевышний между тем
На небесах сидел в унынье сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем —
И без него все шло своим порядком.
Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?
В своем саду, печальных дум полна,
Проводит час невинного досуга
И снова ждет пленительного сна.
С ее души не сходит образ милый,
К архангелу летит душой унылой.
В прохладе пальм, под говором ручья
Задумалась красавица моя;
Не мило ей цветов благоуханье,
Не весело прозрачных вод журчанье...
И видит вдруг: прекрасная змия.
Приманчивой блистая чешуею,
В тени ветвей качается над нею
И говорит: "Любимица небес!
Не убегай, — я пленник твой послушный..."
Возможно ли? О, чудо из чудес!
Кто ж говорил Марии простодушной,
Кто ж это был? Увы, конечно, бес.
Краса змии, цветов разнообразность,
Ее привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии в тот же час.
Чтоб усладить молодого сердца праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:
"Кто ты, змия? По льстивому напеву,
По красоте, по блеску, по глазам —
Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успел к таинственному древу
И там склонил несчастную к грехам.
Ты погубил неопытную деву,
А с нею весь адамов род и нас.
Мы в бездне бед невольно потонули.
Не стыдно ли?"

— Попы вас обманули,
И Еву я не погубил, а спас! —
"Спас! от кого?
— От бога. —
"Враг опасный!"
— Он был влюблен... —
"Послушай, берегись!"
— Он к ней пылал —
"Молчи!"
— любовью страстной,
Она была в опасности ужасной. —
"Змия, ты лжешь!"
— Ей-богу! —
"Не божись".
— Но выслушай... —
Подумала Мария:
Не хорошо в саду, наедине,
Украдкою внимать наветам змия,
И кстати ли поверить сатане?
Но царь небес меня хранит и любит,
Всевышний благ: он, верно, не погубит
Своей рабы, — за что ж? за разговор!
К тому же он не даст меня в обиду,
Да и змия скромна довольно с виду.
Какой тут грех? где зло? пустое, вздор! —
Подумала и ухо приклонила,
Забыт на час любовь и Гавриила.
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою шею,
С ветвей скользит — и падает пред нею;
Желаний огонь во грудь ее вдохнув,
Он говорит:
"С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не придворный,

Не нужен мне пророка важный чин!
Они должны, красавицы другие,
Завидовать огню твоих очей;
Ты рождена, о Скромная Мария,
Чтоб изумлять Адамовых детей,
Чтоб властвовать их легкими сердцами,
Улыбкою блаженство им дарить,
Сводить с ума двумя-тремя словами,
По прихоти — любить и не любить...
Вот жребий твой. Как ты — младая Ева
В своем саду скромна, умна, мила,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и дева
На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообразность.
Ни рощи сень, ни молодость, ни праздность —
Ничто любви не воскрешало в них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых...
Что скажешь ты? Тиран несправедливый,
Еврейский бог, угрюмый и ревнивый,
Адамову подругу полюбил,
Ее храни для самого себя...
Какая честь и что за наслажденье!
На небесах как будто в заточенье,
У ног его молился да молишь,
Хвали его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на другого,
С архангелом тихонько молвить слово;
Вот жребий той, которую творец
Себе возьмет в подруги наконец.
И что ж потом? За скуку, за мученье,
Награда вся дьячков осиплых пенье,
Свечи, старух докучная мольба,
Да чад кадил, да образ; под алмазом,
Написанный каким-то богомазом...
Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелестной Евы;
Решился я, создателю на зло,
Разрушить сон и юноши и девы.
Ты слышала, как все произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливым знак, любви символ призывный),
Открыли ей неясную мечту,
Проснулося неясное желанье:
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепетанье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! любви — моей науки —
Прекрасное начало видел я.
В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгляды, руки...
Меж милых ног супруги молодой,
Заботливый, неловкий и немой,
Адам искал восторгов упоенья,
Неистовым исполненный огнем,
Он вопрошал источник наслажденья
И, закипев душой, терялся в нем...
И, не страшась божественного гнева,
Вся в пламени, власы раскинув, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзанием Адаму отвечала,
В слезах любви, в бесчувствии лежала
Под сенью пальм, — и юная земля
Любовников цветами покрывала.
Блаженный день! Увенчанный супруг
Жену ласкал с утра до темной ночи,
Во тьме ночной смыкал он редко очи,
Как их тогда украшен был досуг!
Ты знаешь: бог, утехи прерывая,
Чету мою лишил навеки рая.
Он их изгнал из милой стороны,
Где без трудов они так долго жили
И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладострастья

И младости веселые права,
Томленье чувств, восторги, слезы счастья.
И поцелуй, и нежные слова.
Скажи теперь: ужели я предатель?
Ужель Адам несчастлив от меня?
Не думаю, но знаю только я,
Что с Евою остался я приятель".
Умолкнул бес. Мария в тишине
Коварному внимала сатане.
"Что ж? — думала, — быть может, прав лукавый
Слыхала я: ни почестями, ни славой,
Ни золотом блаженства не купить;
Слыхала я, что надобно любить...
Любить! Но как, зачем и что такое?..."
А между тем вниманье молодое
Ловило все в рассказах сатаны:
И действия и странные причины,
И смелый слог и вольные картины...
(Охотники мы все до новизны).
Час от часу неясное начало
Опасных дум казалось ей ясней,
И вдруг змии как будто не бывало —
И новое явление перед ней:
Мария зрит красавца молодого
У ног ее, не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск очей,
Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подносит,
Другая мнет простое полотно
И крадется под ризы торопливо,
И легкий перст касается игриво
До милых тайн... Все для Марии диво,
Все кажется ей ново, мудрено, —
А между тем румянец нестыдливый
На девственных ланитах заиграл —
И томный взор, и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.
Она молчит: но вдруг не стало мочи,
Закрылися блистательные очи,

К лукавому склонив на грудь главу,
Вскричала: ах!.. и пала на траву...
О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и желанья,
Красавица, которой был я мил,
Простишь ли мне мои воспоминанья?
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери докучливой и строгой
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
От бледных уст улыбка отлетела,
Твоя краса во цвете помертвела...
Простишь ли мне, о милая моя!
Отец греха, Марии враг лукавый,
Ты стал и был пред нею виноват;
Ах, и тебе приятен был разврат...
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спеши ловить... но близок, близок час!
Вот меркнет свет, заката луч угас.
Все тихо. Вдруг над девой утомленной
Шумя парит архангел окрыленный, —
Посол любви, блестящий сын небес.
От ужаса при виде Гавриила
Красавица лицо свое закрыла...
Пред ним восстав, смутился мрачный бес
И говорит: "Счастливец горделивый,
Кто звал тебя? Зачем оставил ты
Небесный двор, эфира высоты?
Зачем мешать утехе молчаливой,
Занятиям чувствительной четы?"

Но Гавриил, нахмурия взгляд ревнивый,
Рек на вопрос и дерзкий и шутиливый:
"Безумный враг небесной красоты,
Повеса злой, изгнанник безнадёжный,
Ты соблазнил красу Марии нежной
И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать!"
"Не трепетал от ваших я придворных,
Всевышнего прислужников покорных,
От сводников небесного царя!" —
Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая губы,
Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен новым жаром,
И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел —
И ворвались в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел:
Сплетенные, кружась идут по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединив крест на крест ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.
Не правда ли? вы помните то поле,
Друзья мои, где в прежние дни, весной,
Оставляя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкоплечий,
Вотще кряхтел с увертливым врагом,
И, наконец, желая кончить разом,
С архангела пернатый сбил шелом,
Златой шелом, украшенный алмазом.
Схватив врага за мягкие власы,
Он сзади гнет могучею рукою

К сырой земле. Мария пред собою
Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет:
По счастью проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.
На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядела жуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг соверша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице ее разлился
И нежностью исполнилась душа,
Ах, как была еврейка хороша!..
Посол краснел и чувства чужие
Так изъяснял в божественных словах:
"О радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!"
И перед ней коленопреклоненный
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхала,
И Гавриил ее поцеловал.
Смутясь, она краснела и молчала,
Ее груди дерзнул коснуться он...
"Оставь меня!" — Мария прошептала,
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и стон...
Что делать ей? Что скажет бог ревнивый?
Не сетуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви.
Умеете вы хитростью счастливой
Обманывать внимание жениха

И знатоков внимательные взоры
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покорной
И мнимых мук, и с робостью притворной
Играет роль в решительную ночь:
И поутру, оправясь понемногу,
Встает бледна, чуть ходит, так томна.
В восторге муж, мать шепчет: слава богу!
А старый друг стучится у окна.
Уж Гавриил с известием приятным
По небесам летит путем обратным.
Наперсника нетерпеливый бог
Приветствием встречает благодатным:
"Что нового?" — Я сделал все, что мог,
Я ей открыл. — "Но что ж она?" — готова! —
И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бровей
Всех удалил, как древний бог Гомера,
Когда смирял бесчисленных детей;
Но Греции навек погасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!
Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине
Покоилась на смятой простыне.
Душа горит и негой и желаньем,
Младую грудь волнует новый жар.
Она зовет тихонько Гавриила,
Его любви готова тайный дар,
Ночной покров ногою отдалила,
Довольный взор с улыбкою склонила,
И, счастлива в прелестной наготе,
Сама своей дивится красоте.
Но между тем в задумчивости нежной
Она грешит, прелестна и томна,
И чашу пьет отрады безмятежной.
Смеешься ты, лукавый сатана!
И что же? вдруг мохнатый, белокрылый

В ее окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит
И пробует веселые напевы,
И вдруг летит в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, колышется, вертится,
И носиком и ножками трудится.
Он, точно, он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейки закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.
Он улетел. Усталая Мария
Подумала: "Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу".
Всевышний бог, как водится потом
Признал своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не престаивал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой по-прежнему безгрешен,
Христа любил как сына своего,
За то господь и наградил его!
Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы?
Навек забыв старинные проказы,
Я пел тебя, крылатый Гавриил,
Смиранных струн тебе я посвятил
Усердное, спасительное пенье:
Храни меня, внемли мое моление!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,
Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье мое благослови!

Приемлю я намеренья благие,
Переменюсь: Елену видел я;
Она мила, как нежная Мария!
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравиться поведай тайну мне,
В ее душе зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком посеребрит,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О рогачей заступник и хранитель,
Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и смирение,
Даруй ты мне терпенье вновь и вновь
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь!

ГРАФ НУЛИН {2}

Пора, пора! рога трубят;
Псари в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.
Выходит барин на крыльцо,
Все, подбочась, обзревает;
Его довольное лицо
Приятной важностью сияет.
Чекмень затянутый на нем,
Турецкий нож за кушаком,
За пазухой во фляжке ром,
И рог на бронзовой цепочке.
В ночном чепце, в одном платочке,
С глазами сонными жена
Сердито смотрит из окна
На сбор, на псарную тревогу.
Вот мужу подвели коня;
Он холку хватить и в стремя ногу,
Кричит жене: не жди меня!
И выезжает на дорогу.
В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег,
Да вой волков. На то-то счастье
Охотнику! Не зная нег,
В отъезде поле он гарцует,
Везде находит свой ночлег,
Бранится, мокнет и пирует
Опустошительный набег.
А что же делает супруга
Одна в отсутствие супруга?
Занятий мало ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей.
Заказывать обед и ужин,

В анбар и в погреб заглянуть.
Хозяйки глаз повсюду нужен:
Он вмиг заметит что-нибудь.
К несчастью, героиня наша...
(Ах! я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее Наташа,
Но мы — мы будем называть
Наталья Павловна) к несчастью,
Наталья Павловна совсем
Своей хозяйственной частью
Не занималась, затем,
Что не в отеческом законе
Она воспитана была,
А в благородном пансионе
У эмигрантки Фальбала.
Она сидит перед окном;
Пред ней открыт четвертый том
Сентиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей —
Роман классический, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.
Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
По скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворового собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали.
Меж тем печально, под окном,
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже:
Казалось, снег идти хотел...

Вдруг колокольчик зазвенел.
Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..
Уж не она ли?.. Боже мой!
Вот ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... и смолкнул за горой.
Наталья Павловна к балкону
Бежит обрадована звону,
Глядит и видит: за рекой,
У мельницы, коляска скачет,
Вот на мосту — к нам точно... нет,
Поворотила влево. Вслед
Она глядит и чуть не плачет.
Но вдруг... о радость! косогор;
Коляска на бок. — "Филька, Васька!
Кто там? скорей! Вон там коляска:
Сейчас везти ее на двор
И барина просить обедать!
Да жив ли он?.. беги проведать!
Скорей, скорей!"
Слуга бежит.
Наталья Павловна спешит
Взбить пышный локон, шаль накинуть,
Задернуть завес, стул подвинуть,
И ждет. "Да скоро ль, мой творец!"
Вот едут, едут наконец.
Забрызганный в дороге дальной,
Опасно раненный, печальный
Кой-как тащится экипаж;
Вслед барин молодой хромает;
Слуга-француз не унывает
И говорит: allons, courage!*

Вот у крыльца; вот в сени входят.
Покамест барину теперь

Покой особенный отводят
И настеж отворяют дверь,
Пока Ricard шумит, хлопчет,
И барин одеваться хочет,
Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков а j'ouir*,
С ужасной книжкой Гизота.
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С bons-mots** парижского двора
С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера,
Et setera, et setera*.
Уж стол накрыт; давно пора;
Хозяйка ждет нетерпеливо;
Дверь отворилась, входит граф;
Наталья Павловна, привстав,
Осведомляется учтиво,
Каков он? что нога его?
Граф отвечает: ничего.
Идут за стол; вот он садится,
К ней подвигает свой прибор
И начинает разговор:
Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,
Жалеет о Париже страх.
"А что театр?" — "О, сиротеет,
C'est bien mauvais, ça fait pitie*.
Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс, увы! стареет.
За то Потье, la grand Potier!**

Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один. —
"Какой писатель нынче в моде?"
Все d'Arlincourt и Ламартин. —
"У нас им также подражают".
Нет? право? так у нас умы
Уж развиваться начинают.
Дай бог, чтоб просветились мы! —
"Как тальи носят?" — Очень низко,
Почти до... вот по этих пор.
Позвольте видеть ваш убор;
Так... рюши, банты, здесь узор;
Все это к моде очень близко. —
"Мы получаем Телеграф".
— Ага! хотите ли послушать
Прелестный водевиль? — И граф
Поет. "Да, граф, извольте ж кушать".
— Я сыт. Итак...
Из-за стола
Встают. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Граф, о Париже забывая,
Дивится, как она мила.
Проходит вечер неприметно;
Граф сам не свой; хозяйки взор
То выражается приветно,
То вдруг потуплен безответно.
Глядишь — и полночь вдруг на двор.
Давно храпит слуга в передней,
Давно поет петух соседний,
В чугунову доску сторож бьет;
В гостиной свечки догорели.
Наталья Павловна встает:
"Пора, прощайте! ждут постели.
Приятный сон!.." С досадой встав,
Полувлюбленный, нежный граф
Целует руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведет?
Проказница — прости ей, боже! —

Тихонько графу руку жмет.
Наталья Павловна раздета;
Стоит Параша перед ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ее затей:
Шьет, моет, вести переносит,
Изношенных капотов просит,
Порою с барином шалит,
Порой на барина кричит,
И лжет пред барыней отважно.
Теперь она толкует важно
О графе, о делах его,
Не пропускает ничего —
Бог весть, разведать как успела.
Но госпожа ей наконец
Сказала: "полно, надоела!"
Спросила кофту и чепец,
Легла и выйти вон велела.
Своим французом между тем
И граф раздет уже совсем.
Ложится он, сигару просит,
Monsieur Picard ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,
Щипцы с пружиною, будильник
И неразрезанный роман.
В постеле лежа, Вальтер-Скотта
Глазами пробегают он.
Но граф душевно развлечен:
Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
"Неужто вправду я влюблен?
Что, если можно?.. вот забавно;
Однако ж это было б славно;
Я, кажется, хозяйке мил" —
И Нулин свечку погасил.
Несносный жар его объемлет,
Не спится графу — бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой

В нем чувства. Пылкий наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Довольно круглый, полный стан,
Приятный голос, прямо женский,
Лица румянец деревенский —
Здоровье краше всех румян.
Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит: точно, точно так,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен бы остаться с нею,
Ловить минутную затею.
Но время не ушло: теперь
Отворена, конечно, дверь —
И тотчас, на плеча накинув
Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград.
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился, на все готовый.
Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.
Влюбленный граф в потемках бродит.
Дорогу ощупью находит,
Желаньем пламенным томим,
Едва дыханье переводит,
Трепещет, если пол под ним
Вдруг заскрипит. Вот он подходит
К заветной двери и слегка
Жмет ручку медную замка;
Дверь тихо, тихо уступает;
Он смотрит: лампа чуть горит

И бледно спальню освещает;
Хозяйка мирно поживает
Иль притворяется, что спит.
Он входит, медлит, отступает —
И вдруг упал к ее ногам.
Она... Теперь с их позволения
Прошу я петербургских дам
Представить ужас пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрешить, что делать ей?
Она, открыв глаза большие,
Глядит на графа — наш герой
Ей сыплет чувства выписные
И дерзновенною рукой
Коснуться хочет одеяла,
Совсем смутив ее сначала...
Но тут опомнилась она,
И, гнева гордого полна,
А впрочем, может быть, и страха,
Она Тарквинию с размаха
Дает пощечину, да, да!
Пощечину, да ведь какую!
Сгорел граф Нулин от стыда,
Обиду проглотив такую;
Не знаю, чем бы кончил он,
Досадой страшною пылая,
Но шпиц косматый, вдруг залая,
Прервал Параша крепкий сон.
Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег.
Как он, хозяйка и Параша
Проводят остальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намерен вам помочь.
Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой розовых ногтей

Зевая занялся небрежно,
И галстук вяжет неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладит стриженных кудрей.
О чем он думает, не знаю;
Но вот его позвали к чаю.
Что делать? Граф, преодолев
Неловкий стыд и тайный гнев,
Идет.
Проказница младая,
Насмешливый потупя взор
И губки алые кусая,
Заводит скромно разговор
О том, о сем. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
С улыбкой отвечает он.
Получаса не проходило,
Уж он и шутит очень мало.
И чуть ли снова не влюблен.
Вдруг шум в передней. Входят. Кто же?
"Наташа, здравствуй".
— Ах, мой боже!
Граф, вот мой муж. Душа моя,
Граф Нулин. —
"Рад сердечно я.
Какая скверная погода!
У кузницы я видел ваш
Совсем готовый экипаж.
Наташа! там у огорода
Мы затравили русака...
Эй, водки! Граф, прошу отведать:
Прислали нам издалека.
Вы с нами будете обедать!"
— Не знаю, право, я спешу. —
"И, полно, граф, я вас прошу.
Жена и я, гостям мы рады.
Нет, граф, оставайтесь!"
Но с досады
И все надежды потеряв,

Упрямится печальный граф.
Уж подкрепив себя стаканом,
Пикар кряхтит за чемоданом.
Уже к коляске двое слуг
Несут привинчивать сундук.
К крыльцу подвезена коляска,
Пикар все скоро уложил,
И граф уехал... Тем и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.
Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала
И подвиг графа моего
Всему соседству описала.
Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему ж?
Муж? — Как не так. Совсем не муж.
Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак,
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.
Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.
Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

МОНАХ {3}

Песнь первая СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадатый стариком,
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул монаха грешных в стадо.
Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков!
С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
"Последуй лишь примеру моему". —
Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.
Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-великий,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах

Под старость лет один седой монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и четки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаэль на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,
Весь божий день он в келье провождал,
"Помилуй мя" вполголоса читал,
Ел плотно, спал и всякий час молился.
А ты, монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.
Панкратий жил счастлив в уединенье,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,

По воздуху на крыльях понесли —
Иной в Париж к плешивым картезианцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Черт прибежал амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на клыросе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела.
А бес всех их к себе же в ад повел.
Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час. Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый все сидит.
"Уж будешь мой", — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.
Монах скучал, монах тому дивился.
Век не зевал, как богу он молился.
Но — нет уж сил; кресты, псалтирь, слова —

Все позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.
Несчастный! спи... Панкратий вдруг проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? — юбку видит он.
"Что вижу я!.. иль это только сон? —
Вскричал монах, остолбенев, бледнея.
Как! это что?.." и, продолжать не смея,
Как вкопанный, пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.
Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!
Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, вясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.
Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно все, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится,
И пламенна, дрожащая рука

Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный осклабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастьем нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

Песнь вторая

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОН, СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

Покамест ночь еще не удалилась,
Покамест свет лила еще луна,
То юбка все еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылась она.
А наш монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного наоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
"Как, — мыслит он, — когда и собачонки,
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принести ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать...девчонки".
Монах краснел и делать что не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Все тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,

Не ел, не пил, покойно и не спал.
Проходит день, и вечер, наступая,
Зажег везде лампы и свечи.
Уже монах, с главы клобук снимая,
Ложится спать. — Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушение,
Хотел уже навек лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик кряхтя на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.
Тотчас Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.
Монах храпит и чудный видит сон.
Казалось ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной смеясь льет в кубок пенны вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград, на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий, —
Все говорит, что вечно юный Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей, и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,

Обнявшись любовники лежат.
Монах на все взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,
Плешивый лоб с досадою чесал,
Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И набекрень, взъярясь, клобук надвинул,
В зеленый лес, как белоусый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.
Быстрее орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
"Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо".
Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хватя юбчонкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и нимф не видит он;
Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор: темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, монаха поражает —
Панкратий: "Ах!..", и вдруг проснулся он.
Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет. Панкратий встал, умылся,
И, помолясь, он плакать сильно стал,
Сел под окно и горько горевал.
"Ах! — думал он, — почто ты прогневился?
Чем виноват, владыко, пред тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбка вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моление,

Не дай мне впасть, господь, во искушение!"
Услышал бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: "нашел! нашел!"
"Ну! — думал он, — от бесов и юбчонки
Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и все пойдет на лад".
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий рок, вселенной господин,
Панкратием, как куклой, забавлялся.
Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И, весь в жару, в грязи, в пыли и поте,
Предупредить спешил восход луны.

Песнь третья

ПОЙМАННЫЙ БЕС

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,

И за бюро, как девица за пяльцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венки душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!
Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь,
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плетью пустился.
Мартынов пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмогнул на Парнас.
Исполнившись геройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.
Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...

Ни жив, ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг, бела, как вновь напавший снег
Москвы-реки на каменистый берег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка,
Схватил кувшин, весь гневом возгорел,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
"Ура! — вскричал монах с усмешкой злою, —
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодезь брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною".
- "Ты победил, почтенный старичок, —
Так отвечал смирнехонько Молок. —
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану".
"Все так, все так, да полезай в бутыль,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл".
"Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;

Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу.
Все променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить
И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправлять жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями
Век будешь жить, как с кровными друзьями)
Ты позовешь на пышный свой обед".
"Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сейчас в бутыль иди".
"Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю".
"Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! уж нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За все про все готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!"
"Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградиться,
А я тебя свезу в Ерусалим".
При сих словах монах себя не вспомнил.
"В Ерусалим!" — дивясь он бесу молвил.
"В Ерусалим! — да, да, свезу тебя".
"Ну, если так, тебя избавлю я".
Старик, старик, не слушай ты Молока,
Остать его, оставь Ерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится черт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,

Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка.

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ {4}

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела,
Царь трудился понемногу,
Кушал, пил, молился богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей,
Сорок девушек прелестных,
Сорок ангелов небесных,
Милых сердцем и душой.
Что за ножка — боже мой,
А головка, темный волос,
Чудо — глазки, чудо — голос,
Ум — с ума свести бы мог.
Словом, с головы до ног
Душу, сердце все пленяло;
Одного не доставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.
Ничего иль очень мало,
Все равно — не доставало.
Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?
Как быть?.. Помоги мне, бог!
У царевен между ног...
Нет, уж это слишком ясно
И для скромности опасно, —
Так иначе как-нибудь:
Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо,
Но любовное огниво,
Цель желанья моего...

Что такое?... Ничего!..
Ничего, иль очень мало...
И того-то не бывало
У царевен молодых,
Шаловливых и живых.
Их чудесное рожденье
Привело в недоуменье
Все придворные сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальных.
А от бабок повивальных
Как узнал о том народ —
Всяким тут разинул рот,
Ахал, охал, дивовался,
А иной, хоть и смеялся,
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.
Царь созвал своих придворных,
Нянек, мамушек покорных —
Им держал такой приказ: —
"Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит,
Или мыслить их приучит,
Или только намекнет,
Что у них недостает,
Иль двусмысленное скажет,
Или кукиш им покажет, —
То — шутить я не привык —
Бабам вырежу язык,
А мужчинам нечто хуже,
Что порой бывает туже".
Царь был строг, но справедлив,
А приказ красноречив;
Всяк со страхом поклонился,
Остеречься всяк решился,
Ухо всяк держал остро
И хранил свое добро.
Жены бедные боялись,
Чтоб мужья не проболтались;

Втайне думали мужья:
"Провинись, жена моя!"
(Видно, сердцем были гневны).
Подросли мои царевны.
Жаль их стало. Царь — в совет;
Изложил там свой предмет:
Так и так — довольно ясно,
Тихо, шепотом, негласно,
Осторожнее от слуг.
Призадумались бояры,
Как лечить такой недуг.
Вот одни советник старый
Поклонился всем — и вдруг
В лысый лоб рукою брякнул
И царю он так вавакнул:
"О, премудрый государь!
Не взыщи мою ты дерзость,
Если про плотскую мерзость
Расскажу, что было встарь.
Мне была знакома сводня
(Где она? и чем сегодня?
Верно тем же, чем была).
Баба ведьмою слыла,
Всем недугам пособляла,
Немощь членов исцеляла.
Вот ее бы разыскать;
Ведьма дело все поправит:
А что надо — то и вставит".
"Так за ней сейчас послать!
Восклицает царь Никита,
Брови сдвинувши сердито:
Тотчас ведьму отыскать!
Если ж нас она обманет,
Чего надо не достанет,
На бобах нас проведет,
Или с умыслом солжет, —
Будь не царь я, а бездельник,
Если в чистый понедельник
Сжечь колдунью не велю:

И тем небо умолю".
Вот секретно, осторожно,
По курьерской подорожной
И во все земли концы
Были посланы гонцы.
Они скачут, всюду рыщут
И царю колдунью ищут.
Год проходит и другой —
Нету вести никакой.
Наконец один ретивый
Вдруг напал на след счастливый.
Он заехал в темный лес
(Видно, вел его сам бес),
Видит он: в лесу избушка,
Ведьма в ней живет, старушка.
Как он был царев посол,
То к ней прямо и вошел,
Поклонился ведьме смело,
Изложил цареве дело:
Как царевны рождены
И чего все лишены.
Ведьма мигом все смекнула...
В дверь гонца она толкнула,
Так промолвив: "Уходи
Поскорей и без оглядки,
Не то — бойся лихорадки...
Через три дня приходи
За посылкой и ответом,
Только помни — чуть с рассветом".
После ведьма заперлась,
Уголечком запаслась,
Трое суток ворожила,
Так что беса приманила,
Чтоб отправить до дворец,
Сам принес он ей ларец,
Полный грешными вещами,
Обожаемыми нами.
Там их было всех сортов,
Всех размеров, всех цветов,

Все отборные, с кудрями...
Ведьма все перебрала,
Сорок лучших оточла,
Их в салфетку завернула
И на ключ в ларец замкнула,
С ним отправила гонца,
Дав на путь серебреца.
Едет он. Заря зарделась...
Отдых сделать захотелось,
Захотелось закусить,
Жажду водкой утолить:
Он был малый аккуратный,
Всем запасся в путь обратный.
Вот коня он разнуздал
И покойно кушать стал.
Конь пасется. Он мечтает,
Как его царь вознесет,
Графом, князем назовет.
Что же ларчик заключает?
Что царю в нем ведьма шлет?
В щелку смотрит: нет, не видно —
Заперт плотно. Как обидно!
Любопытство страх берет
И всего его тревожит.
Ухо он к замку приложит —
Ничего не чует слух;
Нюхает — знакомый дух...
Тьфу ты пропасть! что за чудо?
Посмотреть ей-ей не худо.
И не вытерпел гонец...
Но лишь отпер он ларец,
Птички — порх и улетели,
И кругом на сучьях сели
И хвостами завертели.
Наш гонец давай их звать,
Сухарями их прельщать:
Крошки сыплет — все напрасно
(Видно, кормятся не тем):
На сучках им петать прекрасно,

А в ларце сидеть зачем?
Вот тащится вдоль дороги,
Вся согнувшись дугой,
Баба старая с клюкой.
Наш гонец ей бухнул в ноги:
"Пропаду я с головой!
Помоги, будь мать родная!
Посмотри, беда какая:
Не могу их изловить!
Как же горю пособить?"
Вверх старуха посмотрела,
Плюнула и прошипела:
"Поступил ты хоть и скверно,
Но не плачься, не тужи...
Ты им только покажи —
Сами все слетят наверно".
"Ну, спасибо!" он сказал...
И лишь только показан —
Птички вмиг к нему слетели
И квартирой овладели.
Чтоб беды не знать другой,
Он без дальних отговорок
Тотчас их под ключ все сорок
И отправился домой.
Как княжны их получили,
Прямо в клетки посадили.
Царь на радости такой
Задал тотчас пир горой:
Семь дней сряду пировали,
Целый месяц отдыхали;
Царь совет весь наградил,
Да и ведьму не забыл:
Из кунсткамеры в подарок
Ей послал в спирту огарок
(Тот, который всех дивил),
Две ехидны, два скелета
Из того же кабинета...
Награжден был и гонец.
Вот и сказочки конец.

Многие меня поносят
И теперь, пожалуй, спросят:
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу.

СТИХИ

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК {5}

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясминов и лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякий день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистой порошок!
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшись дугой,
Вперив в латинщину глубокий разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай молодой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковый дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У граций в отпуску и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает, —
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе — о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищенье
Рассыпался на грудь под шалевый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.

Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

От всенощной вечер идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
"Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж и забыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкою шалила?
Постой, о всем узнает муженек!"
— Тебе ль грозить! — Марфушка отвечает:
Ванюша — что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день, и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
В чужой пи...е соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

ЮРЬЕВУ {7}

Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!
Сегодня для тебя пустынный
Осушит пенистый стакан.
Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!
Здорово, рыцари, лихие
Любви, свободы и вина!
Для нас, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена.
Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!
Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.
Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель.

ТЫ И Я {8}

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян как маков цвет,
Я как смерть и тощ и бледен.
Не имея в век забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякий день,
Тянешь вина на свободе,
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной,
Сажень за сто с чердака
За нуждой бегу известной.
Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,
Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.
Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.
Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки младые
Спешат к пастухам.
С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.
Пастушка младая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.
Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.
Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.
Корсетом прикрыта
Вся прелесть грудей,
Под фартуком скрыта
Приманка людей.
Пастушка приходит
В вишенник густой
И много находит

Плодов пред собой.
Хоть вид их прекрасен
Красотку манит,
Но путь к ним опасен —
Бедняжку страшит.
Подумав, решилась
Сих вишен поесть,
За ветвь ухватилась
На дерево взлезть.
Уже достигает
Награды своей
И робко ступает
Ногой меж ветвей.
Бери плод рукою —
И вишня твоя,
Но, ах! что с тобою,
Пастушка моя?
Вдали усмотрела, —
Спешит пастушок;
Нога ослабела,
Скользит башмачок.
И ветвь затрещала —
Беда, смерть грозит!
Пастушка упала,
Но, ах, какой вид.
Сучок преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.
Среди двух прелестных
Белей снегу ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,
Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из эдема
Был изгнан Адам.
Пастушку несчастну
С сучка тихо снял

И грудь свою страстну
К красотке прижал.
Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.
Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий
Супругам венец.
Прельщенный красою,
Младой пастушок
Горячей рукою
Коснулся до ног.
И вмиг зарезвился
Амур в их ногах;
Пастух очутился
На полных грудях.
И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил.

ДЕЛЬВИГУ {10}

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад.
Ты знаешь сам: в минувши годы
Я на берегу парнасских вод
Любил марать поэмы, оды,
И даже зрел меня народ
На кукольном театре моды.
Бывало, что ни напишу,
Все для иных не Русью пахнет;
Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет.
Теперь едва, едва дышу,
От воздержанья муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу.
К неверной славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.
Я позабыл ее обеты,
Одна свобода мой кумир,
Но все люблю, мои поэты,
Счастливый голос ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Приказы младости своей,
Глядит с улыбкой ваша сводня
На пашни молодых б...й.

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Христос воскрес, моя Реввека,
Сегодня следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я не робея
Готов, еврейка, приступить —
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ {11}

Добро чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, —
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю.

Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!
Подогнув под ж...у ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.
"Признаюсь пред всей Европой, —
Хромоногая кричит: —
Маврогений толстож... й
Душу, сердце мне томит.
Муж! вотще карманы грузно
Ты набил в семье моей.
И вотще ты пятишь гузно,
Маврогений мне милей".
Здравствуй, круглая соседка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плешива, ты глупа,
Говорить с тобой нет мочи —
Все прощаю! бог с тобой;
Ты с утра до темной ночи
Рада в банк играть со мной.
Вот еврейка с Тадарашкой.
Пламя пышет в подлеце,
Лапу держит под рубашкой,
Рыло на ее лице.
Весь от ужаса хладею:
Ах, еврейка, бог убьет!
Если верить Моисею,
Скотоложница умрет!
Ты наказана сегодня,
И тебя пронзил амур,
О чувствительная сводня,

О краса молдавских дур.
Смотришь: каждая девица
Пред тобою с молодцом,
Ты ж одна, моя вдовица,
С указательным перстом.
Ты умна, велеречива,
Кишиневская Жанлис,
Ты бела, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсис.
Не хочу судить я строго,
Но к тебе не льнет душа —
Так послушай, ради бога,
Будь глупа, да хороша.

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн,
За то, что ясский пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиян —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой, —
К моей канурке строгой
Приставил караул.
Невинной суеты,
А именно — мараю
Небрежные черты,
Пищу карикатуры, —
Знакомых столько лиц,
Восточные фигуры
Еб...х куковиц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ {14}

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет,
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов:
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом.
Но с этим милым городком
Я Кишинев равнять не смею,
Я слишком с библией знаком
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой нестрогих дев!
Как жаль, что ранними громами
Его сразил Еговы гнев!
В блистательном разврате света,
Хранимый богом человек
И член верховного совета,
Провел бы я смиренно век
В Париже ветхого завета!
Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца:
Однако ж кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг,

Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад —
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель — пощади мои зад!

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.
С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: — Пошел! е...на мать!
Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!
Катит попрежнему телега,
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дух парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены,
И просвещеньем, и Тавридой,
И посрамлением Луны,
И мы... прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела —
С Делинъем — иногда с Барковым.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удушенная слава
С Екатериной умерла.

РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА {16}

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусье француз, г...й капитан,
Как помнится у нас в простонародье
Над нехристом победы россиян?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, е...на мать?
Ты помнишь ли, как за горы Суворов
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодеров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи е...на мать?
Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих ж...у,
Да и твою, г...й капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, е...на мать?
Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, е...на мать?
Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,

Солдатский штык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Во встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, е...на мать?
Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал да е...?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, е...на мать?

К кастрату раз пришел скрыпач,
Он был бедняк, а тот богач.
"Смотри, — сказал певец безмудый,
Мои алмазы, изумруды —
Я их от скуки разбирал.
А! кстати, брат, — он продолжал, —
Когда тебе бывает скучно,
Ты что творишь, сказать прошу".
В ответ бедняга равнодушно:
— Я? я муде себе чешу.

ЭПИГРАММЫ

СРАВНЕНИЕ {18}

Не хочешь ли узнать, моя дорогая,
Какая разница меж Буало и мной?
У Дебрео была лишь запятая,
А у меня две точки с запятой.

Орлов с Истоминой в постеле
В убогой наготе лежал:
Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: "Позволь увидеть,
Чем ты меня, мой милый, е..."

НА КАЧЕНОВСКОГО {20}

Бессмертною рукой раздавленный зоил,
Позорного клейма ты вновь не заслужил!
Бесчестью твоему нужна ли перемена?
Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?
Уймись — и прежним ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!

НА СТУРДЗУ {21}

Холоп венчанного солдата,
Ты стоишь лавров Герострата
Иль смерти немца Коцебу.
А впрочем — мать твою е...у!

МАНСУРОВУ {22}

Мансуров, закадышный друг,
Надень венок терновый,
Вздыхни — и рюмку выпей вдруг
За здоровье Крыловой.
Поверь, она верна тебе,
Как девственница Ласси,
Она покорствует судьбе
И госпоже Казасси.
Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой
И ноженьки раздвинет.

НА АРАКЧЕЕВА

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
И царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
Бляди грошевой солдат.

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

НИМФОДОРЕ СЕМЕНОВОЙ {24}

Желал бы быть твоим, Семенова, покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручиком Барковым, —
Ах он, поручик! ах, злодей!

Она тогда ко мне придет,
Когда весь мир утомится,
Когда все доброе ложится
И все недоброе встает.

НА К. ДЕМБРОВСКОГО {25}

Когда смотрюсь я в зеркала,
То вижу, кажется, Эзопа,
Но стань Дембровский у стекла,
Так вдруг покажется там ж...а.

ЭПИГРАММА

Оставя честь судьбе на произвол,
Давыдова, живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый пол,
И вдруг беда, казнит ее Меркурий;
Раскаться приходит ей пора,
Она лежит, глаз пухнет понемногу
Вдруг лопнул он; что ж дама? — "Слава богу!
Все к лучшему: вот новая дыра!"

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее страдая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

К САБУРОВУ {26}

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериным гулял,
Бранил Россию с Молостовым,
С моим Чадаевым читал,
Как, все заботы отклоня,
Провел меж ими год я круглый,
Но Зубов не прельстил меня
Своею задницею смуглой.

Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
Она на щепочку нас...т,
Но и понюхать не позволит.

РАЗГОВОР ФОТИЯ С гр. ОРЛОВОЙ

"Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой".
— Но что ж ты делаешь со мной?
"Я тело в душу превращаю".

Накажи, святой угодник,
Капитана Борозду,
Разлюбил он, греховодник,
Нашу матушку — п...у.

ДВЕ НАДПИСИ К КАРТИНКАМ ИЗ "ОНЕГИНА", ПРИЛОЖЕННЫМ К "НЕВСКОМУ АЛЬМАНАХУ"

I

Вот перешедши мост Какушкин,
Опершись ж...й о гранит,
Сам Александр Сергеевич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Неудостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодезь, милый мой!

II

Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу титька — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на подтирку изорвала
Конечно "Невский альманах".

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что ж...а есть.

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Течение месячных изданий.
Все изменилось под нашим зодиаком:
Лев козерогом стал, а дева стала раком.

"Сыны отечества" и "Вестники Европы"
Полезны для ума, а более для ж...ы!

АГАФЬЕ

Ты просишь написать надгробную Агафья?
Ляг, ноги протяни — я буду эпитафия.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЭМЫ

ГАВРИИЛИАДА (стр.21) Написанная Пушкиным в 1821 году, поэма эта до сих пор остается одной из самых читаемых и популярных среди сочинений поэта. Однако уже современники Пушкина воспринимали ее не однозначно. Одни считали "Гавриилиаду" озорной шуткой, "прекрасной шалостью"(Вяземский), другие видели в ней прежде всего политический протест против самодержавия, использовавшего в борьбе со свободомыслием религию и мистику. В этом сочинении молодого гения есть и то, и другое.

Известно, что поэма могла сыграть зловещую роль в судьбе поэта. В 1828 году этот пародийно переосмысленный евангельский рассказ о девице Марии был передан в списке петербургскому митрополиту. Против Пушкина возбудили нешуточное дело, вменявшее ему в вину богохульство, оскорбление религии, что могло закончиться новой ссылкой. Однако произошло загадочное объяснение с царем, в результате которого с поэта были сняты подозрения в авторстве "богомерзкого" творения, на чем он настаивал, давая объяснения церковникам. Как, впрочем, и друзьям. Тут можно вспомнить строчки из письма к Вяземскому: "Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее, Прямо, прямо на восток."

Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец "Гавриилиада"; приписывает ее мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать свои права на свою собственность".

Пушкин писал это, отводя беду, ибо знал, что его письма по указанию Бенкендорфа читает полиция. Потому и приписывал авторство "Гавриилиады" почившему в бозе сатирику князю Горчакову: с покойника спрос не велик. Не трудно представить, как реагировал на письмо друга Петр Андреевич Вяземский: ведь именно у него с 1822 года надежно хранился пушкинский автограф "непристойной" поэмы.

ГРАФ НУЛИН (стр. 51) Поэма написана в 1825 году в Михайловском. Она свидетельствовала о завершении романтического периода в творчестве поэта и переходе к "поэзии действительности" — к реализму. От нее — прямая дорога к блистательным картинам завершающих глав "Евгения Онегина". С.М.Бонди считал, что "Граф Нулин" — единственная из четырех шутливых поэм Пушкина, в которой шутки, легкомысленный сюжет — не является оружием в серьезной литературной или

политической борьбе (в "Руслане и Людмиле" — против реакционного романтизма, в "Гавриилиаде" — против правительственного реакционного ханжества, в "Домике в Коломне" — против реакционных критиков-моралистов). Согласимся с этим и добавим еще, что и "Граф Нулин" — пародия. Блистательный парафраз на шекспировскую "Лукрецию".

МОНАХ (стр. 71) Юношеская поэма Пушкина. Она не была завершена и при его жизни не печаталась. Сюжетом для нее послужило популярное житие Иоанна Новгородского.

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ (стр. 94) Озорная эта сказка написана в 1825 году в Михайловском. Упоминание о ней есть в письме поэта к брату Льву и Плетневу. Известный пушкинист Б.В.Томашевский, готовивший примечания к десяти tomному собранию сочинений поэта (1965), называет "Царя Никиту..." "нескромной сказкой". Согласимся с этим деликатным определением и добавим только, что нескромность поэта удивительно скромна и целомудренна, повествование пусть не захватывающе, но увлекательно.

СТИХОТВОРЕНИЯ

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК (стр.109) Юношеское стихотворение. Написано в 1814 году, в жанре модного тогда мадригала. В нем уже явственно ощутимы озорство и ирония, которые с таким блеском проявятся в зрелые годы.

ОТ ВСЕНОЩНОЙ ВЕЧОР ИДЯ ДОМОЙ (стр. 111) Незаконченный набросок, находящийся среди стихов поэмы "Руслан и Людмила". Однако составители большинства собраний сочинений Пушкина неизменно включают его в основной текст.

ЮРЬЕВУ (стр. 112) Стихотворение обращено к Федору Филипповичу Юрьеву, участнику Отечественной войны. Пушкин встречался с ним после окончания лицея в обществе "Зеленая лампа", членами которого были оба. При жизни поэта не печаталось.

ТЫ И Я (стр. 113) Широко известное стихотворение. Ходило по России в списках. Обращено к гонителю поэта царю Александру 1.

ВИШНЯ (стр. 115) Принадлежность стихотворения Пушкину до сих пор не имеет достаточных подтверждений. Однако в собрания сочинений поэта "Вишня" включается с 1857 года, чаще всего в разделе "Приписываемое Пушкину"

ДЕЛЬВИГУ (стр. 121) Барон Антон Антонович Дельвиг — близкий друг Пушкина. К нему обращены многие произведения поэта. Данное представляет собой начало письма Дельвигу, отправленного из Кишинева весной 1823 года.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ (стр. 124) Еще один опыт Пушкина в любимом им жанре литературной пародии. На этот раз перед нами парафраз известной заповеди Моисея.

РАЗЗЕВАВШИСЬ ОТ ОБЕДНИ (стр.126) Сатирические строфы, написанные в Молдавии. Их мишень — местные дамы. Катакази — кишиневский губернатор. Маврогений — Петраки, местный помещик. Тадарашка — Федор Крупенский, брат вице-губернатора. Тарсис — Т. Катакази, сестра губернатора.

МОЙ ДРУГ, УЖЕ ТРИ ДНЯ (стр. 129) Эти строки были набросаны Пушкиным в одной из его кишиневских тетрадей. В них, как и в предыдущем стихотворении, явственен "местный колорит" — и в героях, и в обстоятельствах.

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ (стр. 131) Филипп Филиппович Вигель —

чиновник Московского архива Коллегии иностранных дел. Пушкин был знаком с ним по Петербургу. Встречи продолжились на юге. Стихотворение написано осенью 1823 года и представляет собой ответ на приглашение Вигеля приехать в Кишинев. Последняя строка — намек на то, что Вигель был гомосексуалистом.

МНЕ ЖАЛЬ ВЕЛИКИЯ ЖЕНЫ (стр. 135) Возможно, перед нами — фрагмент неосуществленного замысла. Однако, набросав вчерне сатирические строки о Екатерине II, поэт больше к ним не возвращался.

РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА (стр.137) Исследователи творчества Пушкина считают, что это стихотворение не предназначалось для печати. Однако же это не мешает включить его в собрания сочинений поэта. Импульсом для написания "Рефутации..." явилось ошибочное представление Пушкина об авторстве бонапартистской песни, которую он приписал знаменитому французскому сатирику Беранже. На самом деле возмущившие Пушкина куплеты принадлежат перу Дебро.

К КАСТРАТУ РАЗ ПРИШЕЛ СКРЫПАЧ (стр. 140) Эта озорная шутка не предназначалась для печати, но уже давно и широко известна поклонникам творчества Пушкина. Написана в Михайловском осенью 1835 года.

ЭПИГРАММЫ

СРАВНЕНИЕ (стр. 143) Смысл этой стихотворной шутки становится понятен, если знать, что Буало был кастратом.

ОРЛОВ С ИСТОМИНОЙ В ПОСТЕЛЕ (стр. 144) Михаил Федорович Орлов — генерал, член общества "Арзамас". Истомина — балерина.

НА КАЧЕНОВСКОГО (стр. 145) Михаил Трофимович Каченовский издатель журнала "Вестник Европы", профессор Московского университета. Один из литературных противников Пушкина. Эпиграмма вызвана статьей Каченовского об "Истории" Карамзина.

НА СТУРДЗУ (стр. 146) Александр Скарлатович Стурдза — реакционный публицист, сын бывшего правителя Молдавии. Эпиграмма на него ходила в списках.

МАНСУРОВУ (стр. 147) Павел Борисович Мансуров — участник Отечественной войны. Впоследствии — чиновник министерства финансов, действительный тайный советник. Пушкин встречался с ним в обществе "Зеленая лампа". М.М.Крылова — танцовщица, ученица театральной школы. Ласси — актриса французской труппы, выступавшей в России. М.Ф.Казасси — главная надзирательница театральной школы в Петербурге.

НА кн. А.В.ГОЛИЦЫНА (стр. 149) Александр Николаевич Голицын — министр духовных дел и народного просвещения, мистик. АЛ.Хвостова — хозяйка мистического салона, который часто навещал Голицын.

НИМФОДОРЕ СЕМЕНОВОЙ (стр. 150) Адресат эпиграммы — оперная актриса, сестра знаменитой трагической актрисы Екатерины Семеновой. Д.Я.Барков — театрал, переводчик оперных либретто, член общества "Зеленая лампа".

НА К.ДЕМБРОВСКОГО (стр. 152) Кондратий Иванович Дембровский — танцовщик кордебалета. Стихотворец-дилетант. Написал эпиграмму на Пушкина, где упоминалась его "некрасивая физиономия".

К САБУРОВУ (стр. 155) Яков Иванович Сабуров — лейб-гусар. Пушкин познакомился с ним еще будучи лицеистом, встречался в Кишиневе и Одессе.

АННЕ Н.ВУЛЬФ (стр. 156) Стихи обращены к Анне Николаевне Вульф. Написаны они Пушкиным ей в альбом, однако без двух последних строк, которые стали известны в устной передаче Анны Керн.

НАКАЖИ, СВЯТОЙ УГОДНИК (стр. 158) Эпиграмма была написана на официальной бумаге Санкт-Петербургского духовного ведомства. В ней требовалось строго наказать капитана Борозду за мужеложество. Авторство Пушкина не подтверждено убедительными доказательствами, поэтому в его сочинениях эпиграмма печатается в разделе "Приписываемое Пушкину".

В АКАДЕМИИ НАУК (стр. 161) Вице-президент Академии наук М.А.Дондуков-Корсаков был гомосексуалистом. Утверждали, что был связан порочными отношениями с президентом Академии С.С.Уваровым, благодаря чему и получил теплое местечко.

comments

Комментарии

ГАВРИИЛИАДА (стр.21) Написанная Пушкиным в 1821 году, поэма эта до сих пор остается одной из самых читаемых и популярных среди сочинений поэта. Однако уже современники Пушкина воспринимали ее не однозначно. Одни считали "Гавриилиаду" озорной шуткой, "прекрасной шалостью"(Вяземский), другие видели в ней прежде всего политический протест против самодержавия, использовавшего в борьбе со свободомыслием религию и мистику. В этом сочинении молодого гения есть и то, и другое.

Известно, что поэма могла сыграть зловещую роль в судьбе поэта. В 1828 году этот пародийно пере- осмысленный евангельский рассказ о деве Марии был передан в списке петербургскому митрополиту. Против Пушкина возбудили нешуточное дело, вменявшее ему в вину богохульство, оскорбление религии, что могло закончиться новой ссылкой. Однако произошло загадочное объяснение с царем, в результате которого с поэта были сняты подозрения в авторстве "богомерзкого" творения, на чем он настаивал, давая объяснения церковникам. Как, впрочем, и друзьям. Тут можно вспомнить строчки из письма к Вяземскому: "Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее, Прямо, прямо на восток.

Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец "Гавриилиада"; приписывает ее мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать свои права на свою собственность".

Пушкин писал это, отводя беду, ибо знал, что его письма по указанию Бенкендорфа читает полиция. Потому и приписывал авторство "Гавриилиады" почившему в бозе сатирику князю Горчакову: с покойника спрос не велик. Не трудно представить, как реагировал на письмо друга Петр Андреевич Вяземский: ведь именно у него с 1822 года надежно хранился пушкинский автограф "непристойной" поэмы.

ГРАФ НУЛИН (стр. 51) Поэма написана в 1825 году в Михайловском. Она свидетельствовала о завершении романтического периода в творчестве поэта и переходе к "поэзии действительности" — к реализму. От нее — прямая дорога к блистательным картинам завершающих глав "Евгения Онегина". С.М.Бонди считал, что "Граф Нулин" — единственная из четырех шутливых поэм Пушкина, в которой шутики, легкомысленный сюжет — не является оружием в серьезной литературной или политической борьбе (в "Руслане и Людмиле" — против реакционного романтизма, в "Гавриилиаде" — против правительственного реакционного ханжества, в "Домике в Коломне" — против реакционных критиков-моралистов). Согласимся с этим и добавим еще, что и "Граф Нулин" — пародия. Блистательный парафраз на шекспировскую "Лукрецию".

МОНАХ (стр. 71) Юношеская поэма Пушкина. Она не была завершена и при его жизни не печаталась. Сюжетом для нее послужило популярное житие Иоанна Новгородского.

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ (стр. 94) Озорная эта сказка написана в 1825 году в Михайловском. Упоминание о ней есть в письме поэта к брату Льву и Плетневу. Известный пушкинист Б.В.Томашевский, готовивший примечания к десяти tomному собранию сочинений поэта (1965), называет "Царя Никиту..." "нескромной сказкой". Согласимся с этим деликатным определением и добавим только, что нескромность поэта удивительно скромна и целомудренна, повествование пусть не захватывающе, но увлекательно.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК (стр.109) Юношеское стихотворение. Написано в 1814 году, в жанре модного тогда мадригала. В нем уже явственно ощутимы озорство и ирония, которые с таким блеском проявятся в зрелые годы.

ОТ ВСЕНОЩНОЙ ВЕЧОР ИДЯ ДОМОЙ (стр. 111) Незаконченный набросок, находящийся среди стихов поэмы "Руслан и Людмила". Однако составители большинства собраний сочинений Пушкина неизменно включают его в основной текст.

ЮРЬЕВУ (стр. 112) Стихотворение обращено к Федору Филипповичу Юрьеву, участнику Отечественной войны. Пушкин встречался с ним после окончания лицея в обществе "Зеленая лампа", членами которого были оба. При жизни поэта не печаталось.

ТЫ И Я (стр. 113) Широко известное стихотворение. Ходило по России в списках. Обращено к гонителю поэта царю Александру 1.

ВИШНЯ (стр. 115) Принадлежность стихотворения Пушкину до сих пор не имеет достаточных подтверждений. Однако в собрания сочинений поэта "Вишня" включается с 1857 года, чаще всего в разделе "Приписываемое Пушкину"

ДЕЛЬВИГУ (стр. 121) Барон Антон Антонович Дельвиг — близкий друг Пушкина. К нему обращены многие произведения поэта. Данное представляет собой начало письма Дельвигу, отправленного из Кишинева весной 1823 года.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ (стр. 124) Еще один опыт Пушкина в любимом им жанре литературной пародии. На этот раз перед нами парафраз известной заповеди Моисея.

РАЗЗЕВАВШИСЬ ОТ ОБЕДНИ (стр.126) Сатирические строфы, написанные в Молдавии. Их мишень — местные дамы. Катакази — кишиневский губернатор. Маврогений — Петраки, местный помещик. Тадарашка — Федор Крупенский, брат вице-губернатора. Тарсис — Т. Катакази, сестра губернатора.

МОЙ ДРУГ, УЖЕ ТРИ ДНЯ (стр. 129) Эти строки были набросаны Пушкиным в одной из его кишиневских тетрадей. В них, как и в предыдущем стихотворении, явственен "местный колорит" — и в героях, и в обстоятельствах.

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ (стр. 131) Филипп Филиппович Вигель — чиновник Московского архива Коллегии иностранных дел. Пушкин был знаком с ним по Петербургу. Встречи продолжились на юге. Стихотворение написано осенью 1823 года и представляет собой ответ на приглашение Вигеля приехать в Кишинев. Последняя строка — намек на то, что Вигель был гомосексуалистом.

МНЕ ЖАЛЬ ВЕЛИКИЯ ЖЕНЫ (стр. 135) Возможно, перед нами — фрагмент неосуществленного замысла. Однако, набросав вчерне сатирические строки о Екатерине II, поэт больше к ним не возвращался.

РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА (стр.137) Исследователи творчества Пушкина считают, что это стихотворение не предназначалось для печати. Однако же это не мешает включить его в собрания сочинений поэта. Импульсом для написания "Рефутации..." явилось ошибочное представление Пушкина об авторстве бонапартистской песни, которую он приписал знаменитому французскому сатирику Беранже. На самом деле возмущившие Пушкина куплеты принадлежат перу Дебро.

К КАСТРАТУ РАЗ ПРИШЕЛ СКРЫПАЧ (стр. 140) Эта озорная шутка не предназначалась для печати, но уже давно и широко известна поклонникам творчества Пушкина. Написана в Михайловском осенью 1835 года.

СРАВНЕНИЕ (стр. 143) Смысл этой стихотворной шутки становится понятен, если знать, что Буало был кастратом.

ОРЛОВ С ИСТОМИНОЙ В ПОСТЕЛЕ (стр. 144) Михаил Федорович Орлов — генерал, член общества "Арзамас". Истомина — балерина.

НА КАЧЕНОВСКОГО (стр. 145) Михаил Трофимович Каченовский издатель журнала "Вестник Европы", профессор Московского университета. Один из литературных противников Пушкина. Эпиграмма вызвана статьей Каченовского об "Истории" Карамзина.

НА СТУРДЗУ (стр. 146) Александр Скарлатович Стурдза — реакционный публицист, сын бывшего правителя Молдавии. Эпиграмма на него ходила в списках.

МАНСУРОВУ (стр. 147) Павел Борисович Мансуров — участник Отечественной войны. Впоследствии — чиновник министерства финансов, действительный тайный советник. Пушкин встречался с ним в обществе "Зеленая лампа". М.М.Крылова — танцовщица, ученица театральной школы. Ласси — актриса французской труппы, выступавшей в России. М.Ф.Казасси — главная надзирательница театральной школы в Петербурге.

НА кн. А.В.ГОЛИЦЫНА (стр. 149) Александр Николаевич Голицын — министр духовных дел и народного просвещения, мистик. АЛ.Хвостова — хозяйка мистического салона, который часто навещал Голицын.

НИМФОДОРЕ СЕМЕНОВОЙ (стр. 150) Адресат эпиграммы — оперная актриса, сестра знаменитой трагической актрисы Екатерины Семеновой. Д.Я.Барков — театрал, переводчик оперных либретто, член общества "Зеленая лампа".

НА К.ДЕМБРОВСКОГО (стр. 152) Кондратий Иванович Дембровский — танцовщик кордебалета. Стихотворец-дилетант. Написал эпиграмму на Пушкина, где упоминалась его "некрасивая физиономия".

К САБУРОВУ (стр. 155) Яков Иванович Сабуров — лейб-гусар. Пушкин познакомился с ним еще будучи лицеистом, встречался в Кишиневе и Одессе.

АННЕ Н.ВУЛЬФ (стр. 156) Стихи обращены к Анне Николаевне Вульф. Написаны они Пушкиным ей в альбом, однако без двух последних строк, которые стали известны в устной передаче Анны Керн.

НАКАЖИ, СВЯТОЙ УГОДНИК (стр. 158) Эпиграмма была написана на официальной бумаге Санкт-Петербургского духовного ведомства. В ней требовалось строго наказать капитана Борозду за мужеложество. Авторство Пушкина не подтверждено убедительными доказательствами, поэтому в его сочинениях эпиграмма печатается в разделе "Приписываемое Пушкину".

В АКАДЕМИИ НАУК (стр. 161) Вице-президент Академии наук М.А.Дондуков-Корсаков был гомосексуалистом. Утверждали, что был связан порочными отношениями с президентом Академии С.С.Уваровым, благодаря чему и получил теплое местечко.